

The article speak about morphologic methodes of predikativ structure of German folk song, and about temporal, modall and personal net.

Keywords: *predikativity, temporality, modality, personality.*

Щасливая Н. С.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Д. ГРАНИНА “ЗУБР”

В данной статье представлен анализ языковых средств интертекстуальности документально-публицистической повести Д. Гранина “Зубр”, а также отражена роль последних в формировании идиостиля писателя.

Ключевые слова: *интертекст(уальность), интертекстуальные элементы, прецедентные феномены, цитаты.*

Интертекстуальное взаимодействие отдельных текстов является уже около трех десятилетий предметом интенсивного изучения и находится в центре внимания современной лингвистики, литературоведения, культурологии, семиологии и философии. Так как в постструктурализме снимается проблема заимствований и влияний, первичности и вторичности, то сквозь призму интертекста мир предстает как огромный Текст, в котором когда-то уже все было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение одних и тех же элементов дает новые комбинации [2; с. 196]. Текст превращается в “эхокамеру” / Р. Барт/, “палимпсест” / Ж. Женетт/, “мозаику цитат” / Ю. Кристева/, где каждое новое высказывание пишется поверх предыдущих [3; с. 13]. Сама категория интертекстуальности рассматривается как общее свойство культуры и исследуется наряду с такими категориями, как “языковая личность”, “языковая картина мира”, и под. [7; с. 94], а все окружающее осмысливается сквозь призму человеческой личности – с позиций атропоцентризма.

Если литература, искусство, культура рассматриваются как семиотические системы / Ю. М. Лотман/, то художник (автор) является трансформатором семиотической энергии Текста, используя для этого весь потенциал индивидуальных фоновых знаний, который, в свою очередь, формирует неповторимый индивидуально-авторский стиль произведения.

Цель настоящей статьи – анализ идиостиля Д. Гранина на материале публицистической повести “Зубр” в аспекте теории интертекстуальности. Основная задача исследования – определение функционального значения интертекстуальных элементов в документально-публицистическом тексте.

Свою повесть “Зубр” Даниил Гранин посвятил знаменитому ученому Н. В. Тимофееву-Ресовскому, с которым был знаком лично и как писатель считал своим долгом оставить потомкам бесценный исторический материал о жизни и творчестве этой легендарной личности.

Спецификой данного жанра можно назвать воссоздание атмосферы определенного времени и художественного пространства существования как главного персонажа, так и автора, а также формирование ореола подлинности от прочитанного и чувства проникновения, соприсутствия реципиента в том же семиотическом пространстве. С целью достижения этого эффекта автор широко использует средства

интертекстуальности, среди которых важное место занимают цитаты (так называемые прецедентные высказывания – по Д. Гудкову).

В анализируемом тексте можно выделить следующие типы цитат:

1) цитаты-включения автором прямой речи главного героя;

2) “точечные” цитаты, которые представлены именами собственными антропонимами, топонимами, а также “закавыченные” “точечные” цитаты лексического характера;

3) Цитаты с атрибуцией, и без атрибуции, точные и трансформированные или усеченные цитаты (условно их можно объединить в следующие группы: “лозунги”, “атрибутированные цитаты известных авторов”, “произведения искусства”, “просто цитаты”);

4) “цитаты в цитатах”.

Среди других типов интекстов можно выделить прецедентную ситуацию и аллюзию как наиболее частотные.

Основной функцией цитаций в этой повести является омадательная функция (формирующая реальность). По нашему мнению, это предопределено документально-публицистическим характером повести и желанием автора приблизить читателя к своему персонажу: “В каждом приборе, автомате я прежде всего ищу кнопку “стоп”!” – отвечает Зубр репликой в прямой речи. Он как будто сам лично ведет диалог с читателем, в котором последний является активным соучастником.

Довольно часто автор размещает целые параграфы, а то и главы зубровских “баек”:

– ...Тимофеев-Ресовский это я по отцу. А мать моя урожденная Всеволожская. Древняя-предревняя русская фамилия. На самый верх никогда не попадали, то беднели, то богатели, однако имений своих не теряли, так что окончательного разорения не достигали. Одна из невест Грозного была Всеволожская. При Петре один из молодых Всеволожских полюбился царю и был послан за границу учиться в числе прочих абитуриентов. Вернувшись, как положено, стал работать на благо отечества. Заимел дом в Санкт-Петербурге, процветал. Однако при Бироне, когда петровским птенцам приходилось плохо, его однажды предупредили об аресте, и он драпанул с чадами на своей лошадиной тяге. Смылся он на свои дикие земли в Нижнее Заволжье, куда-то на границу с киргизскими ордами. Поскольку барин он был хороший, из разных имений к нему потихоньку стали стекаться его мужички, тем более что Бирон имения эти реквизирует. Так этот Всеволожский обосновался ровно независимый князек. И задался он – не то чтобы пузо ублажить – полезной целью, государственную, можно сказать, задачу себе поставил: обезопасить торговые пути в Бухару, Хиву, Среднюю Азию, а потом и в Персию. Грабили русских купцов хивинцы, кокандцы, всякие беспризорные кочевники. Он сражался с этими, как он говорил, азиатами. Собралось у него много казаков. Комфорт. Никакого начальства кругом до горизонта, никто глаза не мозолит, ни один мундир...

Так, абзац за абзацем, как будто бы из уст самого рассказчика, Д. Гранин вводит автобиографический рассказ Тимофеева-Ресовского. Автор старается передать каждое слово, интонацию, а также отношение ученого к передаваемой информации, постоянно остерегаясь искажений в формулировке высказываний. Д. Гранин пытался реферировать все сказанное Зубром, вина себя в оплошности, что не начал делать этого раньше: “Какое счастье, что хотя бы часть дослушал, записал...”, – сетует автор.

Данные цитатные вкрапления также характеризуются высоким уровнем

репрезентативности, как впрочем несут и эмоционально-экспрессивную нагрузку:

– После доклада он меня поцеловал. Это было посвящение. Я почувствовал: у меня отрастают золотые шпоры. – Он замолчал, пораженный какой-то мыслью, потом сказал: – Помните, в “Фаусте”: “Ты равен тому, кого понимаешь”. Зубр был выше меня, потому что я его не понимал. Но дело в том, как я его не понимал. Так не понимал, что он был на две головы выше меня.

Нередко мы можем наблюдать текст типа “цитата в цитате”, что придает повествованию изысканность и эстетичность. Тем более, что эта цитата несет в себе отсылку к атрибутированному прецедентному тексту. Интертекст здесь выступает как коммуникативная категория, обусловленная такими свойствами как диалогичность и динамичность.

Категория интертекстуальности представлена в тексте также ИС-антропонимами. Это как имена реальных людей из окружения главного героя (“Все эти дни и недели застолья сменялись выступлениями, докладами, обсуждениями, бесконечными сладостными спорами, рассказами, расспросами **Капица, Ляпунов, Ландау, Тамм, Дубинин, Сукачев**, академики, студенты, знакомые знакомых, родственники – всем было любопытно, и те, кто побывал раз, старались прийти снова.”), так и прецедентные имена, которые используются для отождествления с персонажем (“...В этой случайной городской больнице, лишенный привилегий, в общей палате, он выглядел еще трагичнее и величественнее. **Античный герой, римский император в изгнании, король Лир в рубище** – разная такая ерундовина лезла в голову. А еще **протопоп Аввакум**, которого Зубр чрезвычайно читил...”), или же для описания определенного временного среза при использовании минимума языковых средств. Автор апеллирует таким образом к фоновым знаниям читателя (“...Так он свои принципы тетишил, пользуясь тем, что веселая **Елизавета и матушка Екатерина** просмотрели его....”).

Информативно-оценочную нагрузку несут аллюзии, которые представлены прецедентными именами: “...По вечерам на берегу Можайского моря устраивали костер и большой общий треп. Главой трепа был Зубр. Он заставлял выступать старых профессоров, докторов и прочих мэтров. Кто о чем: о своих путешествиях, о картинах **Рериха**, о женской красоте, о стихах **Марины Цветаевой**...”.

Интертекстуальная информация позволяет определить хронотоп художественного текста (художественное время и пространство текста) [5; с. 172]. ИС-топонимы, которыми буквально “пропитана” вся повесть Д. Гранина, являются важными ориентирами художественного пространства текста: “...До Москвы неделю тащились. Вышли на площадь – все на месте: Казанский вокзал, Николаевский, бабы в ряд сидят с корзинками. А в корзинках – семечки, печеная картошка, лепехи. Москва! Счастье-то какое! Извозчики стоят. В цилиндрах, важные.” Так как между прецедентными феноменами нет жестких границ [1; с. 108] и все они тесно взаимосвязаны, то здесь мы можем наблюдать и формирование прецедентной ситуации путем наслаивания прецедентных имен. Некоторые ИС-топонимы передают эстетическую информацию и квалифицируются как интермедияльные тропы (термин Фатеевой): “...До этой минуты он (Зубр) казался бессмертным, как Нева, как Уральские горы, как статуи римских консулов, что стоят в Эрмитаже...”. Выполняя функцию сравнения, они являются образцом индивидуального стиля писателя.

Характерной чертой авторского идиостиля является использование “точечных цитат”. В нашем понимании это определение имеет более широкое значение, нежели

то, которое предлагант Н. А. Фатеева (“точечные цитаты” – имена литературных персонажей других произведений или мифологических героев, включенные в текст) [6; с. 25-28]. Под “точечными цитатами” мы подразумеваем имена собственные, а также лексические единицы, которые, как правило, маркированы кавычками и придают повествованию эмоционально-экспрессивную, эстетическую окраску, осуществляя тем самым акцент на языковых реалиях времени или же конкретной языковой личности. Например, “...Деньги падали в цене катастрофически. Счет шел на **“лимонах”**, то есть миллионы.” – рассказчик прибегает к использованию языковой реалии того времени; “...Про хлеб он так уверенно сказал потому, что недавно из этих же казарм Колюшу посылали на охрану хлебных вагонов. Охранять-то их охраняли, но голод не тетка – наламывали себе корок хлебных, да впрок. Изнутри шинели нашивали карманы глубокие, куда корки опускали. На это Петр Скачков отвернул полу своей шинели, где такой же карман был нашит. Выходит, нынешний состав **“своим ходом”** добрался до такого же **“органа”**. Сильно поразила тогда Колюшу эта способность следующих поколений изобретать в точности то же самое, приобретать те же **“органы”** – здесь Д. Гранин ведет повествование от первого лица, но включает те языковые средства, которые были присущи именно главному герою – ученому-генетику. Или же “...его пригласил сам Капица сделать доклад на ближайшем **“капичнике”**”, – а далее идет объяснение этой узкопрофильной лексической единицы, – “...знаменитом сборище наших физиков”.

В парадигму интертекстуальных элементов, которые были использованы Д. Граниным, входят прецедентные ситуации, а также аллюзии. Несмотря на то, что последние в данном отрывке повести немногочисленны, их присутствие интригует читателя и украшает текст. “Удачная аллюзия иногда несет не себе печать гения...” /Nodier Ch/ [4; с. 91]. Интересен тот факт, что автор констатирует наличие таковой печати у своего героя, поскольку практически все аллюзии принадлежат Зубру (находятся в его цитатах): “...Постигнуть мозаику той жизни вам не дано. Неделю занимаешься какой-нибудь **Софией Премудростью Божией**, на следующей – едешь на денкинский фронт...”. На наш взгляд, автор цитации имеет в виду занятие научной работой. А прецедентная ситуация, введенная автором в текст (“...Армянский художник запечатлил эту допотопность [на картине Зубра], возможно даже не сознавая того. Мы все ходили вокруг да около, а он выразил то, что не давалось нам. Художники бывают провидцами. Перелистывая альбом рисунков Леонида Пастернака, я обратил внимание на портреты двух его сыновей – Александра и Бориса: два симпатичных мальчика, нарисованных отцом с любовью, и как явственно отличие облика Бориса, отмеченного печатью гения!”) подтверждает наше предположение. И это не единственный случай, когда автор прибегает к введению прецедентной ситуации для создания образа героя. Например, ситуация, где Гранин сравнивает Зубра с существом доисторических времен, которое по невероятной случайности до сих пор существует: “...Я рассказывал ему [Зубру] новости, когда вдруг луч зимнего солнца сбоку высветил его заросшую шею, уголок глаза, прикрытый морщинистым веком, седые космы его шевелюры. Непривычный ракурс, световая вспышка позволили увидеть нечто скрытое: это был не возраст, не престарелость, а древность. Существо из Другой эпохи, архаичное, чудом уцелевшее до наших дней. Он был из той поры, когда стада зубров еще бродили в урочищах Кавказа и горах Гарца. Экземпляр давно вы мершего вида, диковина вроде живой кистеперой рыбы – **целаканта**, – которую все считали вымершей семьдесят миллионов лет назад”. Другие же примеры прецедентных ситуаций служат для детерминирования хронотопа текста,

наприклад “– ...новенький линейный корабль и фрегат под турецкими флагами. Команда пировала на берегу. Ночью испытанным способом оглушили часовых и уплыли на север. Там князь Потемкин формировал в низовьях рек Таврический флот”.

Анализируемый материал – документальная повесть Д. Гранина “Зубр” – позволяет сделать вывод о том, что публицистический текст так же, как и художественный, строится по законам ассоциативно-образного мышления. Он характеризуется целым рядом признаков, которые следует учитывать при его интерпретации: в художественном пространстве текста все языковые единицы тесно взаимосвязаны и приобретают дополнительные “наращения смысла” / В. В. Виноградов/; документальный текст, являясь частью культуры, связан с другими текстами, отсылает к ним или вбирает в себя элементы других текстов, формируя таким образом полифонию текста; помимо вербальной информации, документальный текст является носителем невербальной информации, которая находится в подтексте и содержит интертекстуальные элементы.

Л и т е р а т у р а :

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 288 с.
2. Ильин И. П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики : сб. науч.-аналит. тр. – М., 1989. – С. 45-61.
3. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – изд. 4-е. – М. : URSS, 2007. – 269 с.
4. Пье-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
5. Слободянюк Т. В., С. Н. Краснослободцева. Интертекстуальные элементы в поэтическом тексте // Система і структура східнослов'янських мов : до 175-річчя Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова : зб. наук. праць / редкол. : В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. – К. : Знання України, 2009. – 267 с.
6. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности : интертекст в мире текстов. – М. : Агар, 2000. – 280 с.
7. Шаповалова И. В. Взаимодействие интертекстуальных приемов в художественной структуре метацикла Максимилиана Волошина // Східнослов'янська філологія [Текст] : збірник наукових праць. – Вип. 4 / М-во освіти і науки України, Горлівський держ. пед. ін-т інозем. мов ; редкол. С. О. Кочетова (відп. ред.) [та ін.]. – Горлівка : Б.В., 2004. – С. 94-108.

У статті представлений аналіз мовних засобів інтертекстуальності документально-публіцистичної повісті Д. Граніна “Зубр”, а також відбита роль останніх у формуванні ідіостиля письменника.

Ключові слова: інтертекст(уальность), інтертекстуальні елементи, прецедентні феномени, цитати.

This article represents the analysis of the linguistic means of intertextuality of documentary- journalistic story of Danyyl Granyn “Zubr”(“Auroch”) and also the role of abovementioned means is reflected in formation of writer’s idiostyle.

Keywords: *intertext(uality), elements of the intertext, precedent-related phenomena, citations.*